

ФИЛОЛОГИЯ

Русская литература

Научная статья

УДК 82

DOI: 10.20323/2499-9679-2022-4-31-8-15

EDN: NSPRZM

Особенности хронотопа в романе Н. Абгарян «С неба упали три яблока»

Наталья Юрьевна Букарева

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

bukarevanu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0616-9328>

Аннотация. В статье анализируется хронотоп романа Н. Абгарян «С неба упали три яблока». Выбор текста обусловлен малой изученностью творчества Наринэ Абгарян, а также актуализацией мифологического компонента (мотивы, образы, хронотоп) в современных текстах. Целью работы стал анализ хронотопа романа и характеристика его особенностей. Были выявлены три пласта хронотопа: социально-бытовой, природный и мифологический. Социально-бытовой пласт представляет собой реальное место и время бытования героев: они живут в Армении, в деревне Маран, находящейся на горе, однако точное время не указывается, его примерные координаты можно определить только по предметам-маркерам. Природный пласт раскрывает особенности взаимоотношений героев с окружающим миром. Персонажи романа во многом зависят именно от природы, надеются и полагаются на нее, что сближает верования героев с языческими. Особый интерес для исследования представляет мифологический пласт. В статье показывается, что хронотоп произведения близится к сакральному: имеется четкая граница между «центром» и «периферией», «своим» и «чужим» – «профанным» и «сакральным». Вертикальная ориентация пространства романа (расположение деревни на горе) также указывает на близость жителей к Богу. Возникает аналогия места проживания героев с раем. В ходе анализа романа Абгарян были выявлены следующие черты сакрального хронотопа: вневременность, возможность чуда, вертикальная ориентация, граница между профанным и священным пространством. Хронотоп в исследуемом романе выполняет не только миромоделирующую, но и идентификационную функцию: герои благодаря месту своего обитания приобретают качества, которые в течение жизни не изменяются, то есть характеры героев статичны.

Ключевые слова: хронотоп; сакральное и профанное пространства; мотив; современная литература; мифологизация; Наринэ Абгарян

Для цитирования: Букарева Н. Ю. Особенности хронотопа в романе Н. Абгарян «С неба упали три яблока» // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 4 (31). С. 8–15. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-4-31-8-15>. <https://elibrary.ru/NSPRZM>

PHILOLOGY

Russian literature

Original article

Natalia Yu. Bukareva

Candidate of philological sciences, associate professor at the department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Republikanskaya st., 108/1

bukarevanu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0616-9328>

Features of the chronotope in N. Abgaryan's novel «Three apples fell from the sky»

Abstract. The article analyzes the chronotope of N. Abgaryan's novel «Three apples fell from the sky». The choice of the text is determined by insufficient research of Narine Abgaryan's works, as well as by actualizing the mythological component (motifs, images, chronotope) in modern texts. The aim of the work was to analyze the chronotope of the novel and characterize its features. Three layers of the chronotope were identified: social, natural and mythological. The social layer represents the real place and time of the characters' existence: they live in Armenia, in the mountainous village of Maran, but the exact time is not specified, its approximate coordinates can only be determined by the marker objects. The natural layer reveals the specifics of the characters' relationships with the world around them. The novel's characters are largely dependent on nature, hoping and relying on it, which brings the characters' beliefs closer to pagan ones. The mythological layer is of a particular interest for the study. The article shows that the chronotope of the work is close to the sacred: there is a clear boundary between the «center» and «periphery», «one's own» and «someone else's» – «profane» and «sacred». The vertical orientation of the novel's space (the mountainous location of the village) also indicates the proximity of the inhabitants to God. There is an analogy between the place the characters live in and paradise. The analysis of Abgaryan's novel reveals the following features of the sacred chronotope: timelessness, the possibility of a miracle, vertical orientation, the boundary between profane and sacred space. The chronotope in the novel performs not only a world-modeling function, but also an identification one: thanks to the place of residence, the characters acquire qualities that do not change during their lives, that is, the characters are static.

Key words: chronotope; sacred and profane spaces; motif; modern literature; mythologization; Narine Abgaryan

For citation: Bukareva N. Yu. Features of the chronotope in N. Abgaryan's novel «Three apples fell from the sky». *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2022;(4):8–15. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-4-31-8-15>. <https://elibrary.ru/NSPRZM>

Введение

Хронотоп является важным элементом любого художественного произведения. Несомненно, рассматривать время и пространство в художественном тексте необходимо в их взаимосвязи. Именно такое определение дает хронотопу М. М. Бахтин: «Существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений» [Бахтин, 2000, с. 234]. Пространственно-временные координаты определяют не только событийный ряд, но и личностные характеристики героев. Как отмечает М. М. Бахтин, «...хронотоп как преимущественная материализация времени в пространстве является центром изобразительной конкретизации, воплощения для всего романа. Все абстрактные элементы романа – философские и социальные обобщения, идеи, анализы причин и следствий и т. п. – тяготеют к хронотопу и через него наполняются плотью и кровью, приобщаются художественной образности» [Бахтин, 2000, с. 399]. А. Н. Набиуллина отмечает: «Помимо миромоделирующей функции, хронотоп в произведениях выполняет функцию идентификации и самоидентификации героев...» [Набиуллина, 2019].

Хронотоп как элемент поэтики литературного текста важен для интерпретации, так как он «определяет художественное единство литературного произведения в его отношении к реальной действительности» [Бахтин, 2000, с. 176]. Д. С. Лихачев также отмечает важность

рассмотрения хронотопа в структуре текста: «Исследователь внутреннего мира произведения словесного искусства рассматривает форму и содержание произведения в неразрывном единстве. Художественный мир произведения объединяет идейную сторону произведения с характером его сюжета, фабулы, интриги. Он имеет непосредственное отношение к стилю языка произведения. Но самое главное: художественный мир словесного произведения обладает внутренним единством, определяемым общим стилем произведения или автора, стилем литературного направления или „стилем эпохи“» [Лихачев, 1968, с. 86].

Необходимость рассматривать хронотоп в качестве структурного компонента образа обусловлена следующими факторами: герой находится в некотором пространстве и времени непосредственно большую часть произведения, благодаря чему формируется и его картина мира, и условия жизни, а также действия в определенных ситуациях. Ю. М. Лотман в работе «В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь» отмечает, что «каждому пространству соответствует особый тип отношений функционирующих в нём персонажей», что подтверждает важность изучения хронотопов конкретных литературных текстов с целью рассмотреть образ [Лотман, 1988, с. 265].

Особенностью современного литературного процесса является то, что в настоящее время создается большое количество текстов, где хронотоп

имеет мифологический компонент. «Для современной литературы характерно усиление мифологизации, аллегоризации, притчевости. Писатели стали широко использовать в своих произведениях легенды, предания, библейские сюжеты, что также способствовало усложнению пространственно-временной организации их произведений», – пишет А. Б. Темирболат [Темирболат, 2003, с. 10]. Необходимо отметить, что тенденция обращения к мифологическим мотивам и образам наметилась еще в прошлом веке. «Мифологизм становится характерным явлением литературы XX в. И как художественный прием, и как стоящее за этим приемом мироощущение...», – говорит Е. М. Мелетинский о литературном процессе XX века [Мелетинский, 1976, с. 295]. «В литературном мифологизме на первый план выступает идея вечной циклической повторяемости первичных мифологических прототипов под разными «масками», своеобразной замещаемости литературных и мифологических героев, делаются попытки мифологизации житейской прозы писателями и выявления скрытых мифологических основ реализма литературными критиками» [Мелетинский, 1976, с. 8]. С. Ж. Балданов отмечает следующее по поводу ситуации в XXI веке: «В современной литературе миф рассматривается, прежде всего, как образное повествование, которое несет в себе информацию об изначальных представлениях о морали, нравственности, о взаимоотношении человека и природы и т. д., выделяется вневременная, вечная сущность мифа как „универсальной“ модели мироздания» [Балданов, 2001, с. 143].

Методы исследования

Для исследования нами был выбран роман современной писательницы Наринэ Абгарян «С неба упали три яблока» (2015), а именно особенности хронотопа. Методология исследования предполагает комплексное применение различных видов анализа: в работе использованы элементы структурного, проблемно-тематического, мотивного анализа.

Результаты исследования: специфика хронотопа романа Н. Абгарян

Хронотоп этого романа состоит из трех пластов: социально-бытового, природного и мифологического. Первый пласт представляет мир, где находятся герои на предметном, фактическом уровне, природное пространство характеризует реалии жизни с точки зрения природных условий, третий же пласт – мифологический – показывает,

как мифологическое сознание трансформирует окружающий мир исходя из убеждений не конкретной личности, а целого этноса, проживающего в определенном месте. В этом плане примечательно, что Н. Абгарян по происхождению армянка, потому текст наполнен различными этнокультурными реалиями и народными верованиями. «Суметь понять творчество писателя, открыть в творчестве индивида фольклорные отражения и преломления, значит, увидеть то древнее и непреходящее, что характерно и для фольклора. Это решает вопрос „о своеобразии использования фольклорных традиций писателем, что определяется природой таланта художника, особенностями творческого замысла“», – пишет У. Б. Далгат о важности рассмотрения фольклорного компонента в составе литературного текста [Далгат, 1981, с. 18].

А. И. Смирнова обращает внимание на особый колорит жизни героев романа: «В центре произведения – жизнь обитателей маленькой армянской деревни Маран, когда-то „в оны дни“ расположившейся высоко в горах на макушке Маниш-кара. Жизнь на вершине горы вблизи небес сформировала менталитет и силу духа маранцев, не пожелавших покинуть родную деревню после „страшного землетрясения“. В изображении автора Маран – это особый патриархальный мир, отделенный от остального мира и живущий по своим законам» [Смирнова, 2018, с. 874].

Н. Абгарян не дает четких географических координат места жизни героев. Читателю известно лишь, что действие происходит на территории современной Армении: это горная деревушка Маран и долина под ней, которая не имеет названия. У событий нет определенных временных рамок. Это может свидетельствовать о принадлежности хронотопа романа именно к мифологическому, так как временные границы оказываются стертыми, однако существует время «большого» прошлого – «„историческое“ прошлое, сообщение о котором передается „непосредственно-коммуникационным“ способом» [Неклюдов, 2005, с. 13]. Такое сложно фиксируемое время и пространство, пользуясь терминологией К. Элиаде, можно считать «мифологическими координатами» [Элиаде, 1994, с. 23]. Эту особенность отмечает в своем исследовании и А. И. Смирнова: «В романе лейтмотивом повторяется мысль об изначальности сущего, раскрываемая в трех временных регистрах: прошлое («Наверное, так было задумано, потому что так было всегда» [Абгарян, 2016, с. 184]) – настоящее («Наверное, так должно было

быть, потому что так и было задумано» [Абгарян, 2016, с. 190]) – будущее («Наверное, так было задумано, потому так и будет» [Абгарян, 2016, с. 186]) [Смирнова, 2017, с. 347]. В. Н. Топоров считает, что «в мифопоэтическом хронотопе время спускается и становится формой пространства», время и пространство наиболее ярко сливаются именно в мифологическом хронотопе [Топоров, 1983, с. 232–233].

«Темы обусловленности частной судьбы жизнью предков, переплетенности и повторяемости событий выражаются в цикличности хронотопа и принципе «закольцованности» повествования, также коррелирующей с организацией работы памяти, свободно преодолевающей временные рамки, легко стирающей грань между прошлым и настоящим», – отмечает И. Н. Павлова, чье исследование направлено на исследование концептов, которые частотны для творчества Н. Абгарян [Павлова, 2017, с. 115].

Наибольший интерес для изучения представляет пространство романа. Как отмечает С. Ю. Неклюдов, одним из главных свойств мифологического пространства является «его качественная неоднородность, наличие в нем сакрального центра и потенциально враждебной периферии» [Неклюдов, 2005, с. 18]. Герои романа «С неба упали три яблока» живут в изолированном мире и не нуждаются в выходе в «большой» мир. Если применять антиномию «свой» / «чужой», то деревня Маран будет для персонажей «своим», а весь мир за пределами «чужим». Герои больше погружены в отношения друг с другом, во внутренний мир, чем во внешний. Стоит отметить, что покинуть деревню никто не хочет. Например, так описываются в романе действия жителей после землетрясения: «Уцелевшая часть деревни перенесла удар стихии мужественно и с достоинством: люди отслужили заупокойные службы в крохотной часовне (стоящая на краю деревни церковь Григора Лусаворича рухнула в пропасть первой) и разошлись по домам – укреплять испещренные глубокими трещинами стены и обрушившиеся крыши, приводить в порядок поваленные набок деревянные частоколы» [Абгарян, 2016, с. 135], – жители перемещаются по горизонтали, но не спускаются в долину, хотя там безопаснее.

В романе очевидна оппозиция «гора» / «долина», «верх» / «низ». Спускаются вниз лишь для того, чтобы пойти в школу, лечиться в больнице или услышать новости из «большого» мира. Границы пересекаются редко и обычно в крайних случаях. Например, Анатолия

вынужденно отправляется в больницу, так как в Маране нельзя ей помочь.

Объяснимо желание маранцев не покидать родину ни при каких обстоятельствах: «И даже то, что они теперь говорили на других языках и носили другую одежду, не имело никакого значения, в конце концов, небо везде одинаково синее, и ветер дует ровно так, как в краю, где тебе посчастливилось родиться» [Абгарян, 2016, с. 70], – таково мнение маранцев, которым хоть и пришлось перебраться подальше от ущелья, но от этого они не стали меньше любить место, в котором родились.

Жители Марана отличаются сильной верой в Бога, их сознание мифологизировано: в нем сочетаются и народные верования, и религиозные. Поэтому место жизни приобретает особенное значение: здесь, в горах, они ближе к Богу, чем в долине. Данная идея позволяет провести аналогию с раем. Действительно, сама природа дарит жителям гармонию и покой. После катастроф, голода и войны пришла весна, все оживилось и поняли, что жизнь продолжается: «Весна настала чуть позже, чем обычно, только к середине марта измученный холодом и темнотой Маран, наконец, с облегчением выдохнул, заскрипел дверями и калитками, распахнул окна – впуская в дома солнечный свет. Радость от того, что наконец-то миновала беспросветная ледяная зима, была так велика, что затмила страх перед смертью» [Абгарян, 2016, с. 35].

Как уже отмечалось нами ранее, сознание жителей Марана мифологизировано, то есть их «мышление характеризуется отождествлением субъекта и объекта, природных и культурных явлений, верой в тождество части и целого, безразличием к временной причинности (последующее событие может быть причиной предыдущего, параллельные события могут иметь причинно-следственную связь). Человек не выделяет себя из окружающего мира, что служит основой тотемистических представлений – веры в родство людей с определенным видом растений или животных. В основе представлений о мире лежит принцип сопричастности, или мистической „партиципации“, то есть отождествления различных предметов, лиц, явлений по признаку обладания одинаковыми мистическими свойствами», – пишут В. Г. Тимофеев и Н. В. Петров [Тимофеев, Петров, 2017].

Для персонажей романа многое зависит от природы. Так как они выбрали жизнь вдали от цивилизации, то полагаются только на себя и природу, которая им также помогает. Маранцы живут трудом, не проводят ни дня без работы,

даже если это простые домашние хлопоты, поэтому именно природа играет важную роль в их благополучии. Примером этому служат ежедневные обряды главной героини Анатолии, которая чувствует приближение смерти: «Перед тем как отойти в мир иной, она тщательно полила огород и насыпала курам корму с запасом – мало ли когда соседи обнаружат ее бездыханное тело, не ходить же птице некормленной. Далее откинула крышки стоящих под водосточными желобами дождевых бочек – на случай внезапной грозы, чтобы льющими сверху потоками воды не смывало фундамент дома» [Абгарян, 2016, с. 5]. Анатолия заботится обо всем сразу (о живности, которую завела, о доме, о соседях), но не о себе. Эта черта сближает маранцев с естественными людьми, которые близки с природой, являются неотъемлемой ее частью, потому поддерживают связь всех ее элементов.

На примере главной героини можно рассмотреть, как реализуется «самоидентификационная» [Набиуллина, 2019] функция хронотопа. Солнечная теплая Армения сделала главную героиню Анатолию жизнерадостной, подарила ее душе покой; изолированная местность Марана дала уверенность и постоянство. Вера помогает не сломаться героине, когда наступают голод или война. Она поддерживается природой и верой только в лучшее. Героиня всегда мыслит позитивно, даже смерть Анатолия воспринимает спокойно, без страха. Это также черты естественного человека.

Мифологический пласт пространства романа четко выражен в первую очередь своей вертикальной направленностью. Люди словно тянутся к Богу, в тяжелые моменты обращаются к нему и благодарят, когда счастливы. Таким образом, хронотоп романа близится к сакральному.

«Сакральное (от лат. – «посвященное богам», «священное», «запретное», «проклятое»)» как святое, священное, важнейшая мировоззренческая категория, выделяющая области бытия и состояния сущего, воспринимаемое сознанием как принципиально отличные от обыденной реальности и исключительно ценные. В картине мира сакральное выполняет роль структурообразующего начала: в соответствии с представлениями о сакральном выстраиваются другие фрагменты картины мира и складывается их иерархия. В аксиологии сакральное задает вертикаль ценностных ориентаций» [Культурология. XX век, 1998, с. 186]. Исходя из этого определения, можно говорить о том, что сакральное пространство обладает

строгой иерархией, благодаря которой так сильно отличается от профанного (бытийного) пространства.

Романное время также играет важную роль. Для сакрального хронотопа характерна вневременность, отсутствие четких временных рамок. В романе наблюдается как раз эта вневременность, где временными маркерами служат лишь крупные исторические события, которые затронули и жителей Марана, а также некоторые предметы (например, наличие телеграфа). Стоит отметить, что ценности, которые культивируют маранцы, также вечные: взаимопомощь, доброта, отзывчивость, честность, богобоязненность. Все это связано с особенностями хронотопа.

В рамках сакрального пространства человек с другими ценностями и верой казался бы инородным, однако каждый житель Марана не просто на своем месте – они дополняют друг друга, составляя тесный, почти родственный круг. «Идеал христианства – ощущение внутренней связи всех со всеми, ощущение бесконечности как своей опоры. Отдельные предметы теряют свою законченность, уходят в бесконечность, чтобы завершиться в чем-то большем, чем они сами, – в мировом целом. И человек ощущает эту цельность, выходя из узких рамок личности, – в любви. Христианство формирует свой идеал так: Бог есть любовь. Любовь – единственная сила, которая способна сплавить расколовшийся на осколки мир», – пишут З. Миркина и Г. Померанц [Миркина и Померанц, 1995, с. 119–121]. Маранцы религиозны и потому у них сформирована особенная картины мира и собственно личности.

«Исследование сакрального пространства (от лат. «посвященное богам», «священное», «запретное», «проклятое») исходя из семантики понятия „сакральное” позволяет интерпретировать его и как „отмеченное особым качеством божественности”, и наоборот – как негативное, но всегда – особое, имеющее специфические признаки и свойства, недоступные для профанного сознания», – подчеркивает Е. В. Михайлова [Михайлова, 2009, с. 95]. В данном случае хронотоп романа «положительно» сакральный, действительно отмечен божественностью и даже некоторой святостью. Несмотря на все трудности жизни, герои никогда не роптали на Бога, смиренно сносили все испытания, не предавались гордыне и не делали зла, потому рано или поздно обретают счастье. На «святой» земле Марана случается чудо, что также характерно для сакрального пространства: «На пятьдесят восьмом году жизни, пережив послед-

них своих родственников почти на полвека, прошедшая через голод, холод, предательство и войну, но сумевшая вопреки тяжелым испытаниям охранить доброе сердце и чуткий нрав, младшая дочь Севоянц Капитона и Агулисанц Воске оказалась на пятом месяце беременности» [Абгарян, 2016, с. 216].

Стоит также выделить мотивы, связанные с хронотопом. Как уже говорилось ранее, жители Марана религиозны. В романе герои меняются под действием внешних обстоятельств, не связанных с трансформацией места жительства. Война, голод, природные катастрофы, смерти близких – именно эти факторы подталкивают к изменениям героев романа Абгарян. Мотив веры становится ведущим в произведении. Именно он формирует характеры героев, они растут в религиозном окружении, перенимают от родителей веру. «В традиционных культурах священное пространство, противопоставленное обыденному, характеризуется как средоточие божественных (духовных) сил. Будучи сакрализованным, пространство наделяется способностью активно воздействовать на жизнь человека, оно становится не только локусом, но и субъектом действия», – отмечают исследователи [Ойоткинова, Гриневиц, Голованева, 2020, с. 13]. Мотив веры сам по себе стабилен, герои не теряют веру и не сомневаются, потому и их характеры меняются незначительно или же вообще не меняются, при этом маранцы не теряют своих первоначальных качеств. Нужно заметить, что изначально они предстают перед читателем гармоничными, целостными. Так как внешний мир для них на втором месте, свое внутреннее состояние герои ценят больше, оттого и погружены в себя.

Место жительства делает их ближе к Богу, вера в него сильна, как ни в каком другом месте. В этом сходство персонажей Абгарян с сознанием средневекового человека (ориентация на вертикаль, близость к Богу, отрицание профанного существования и т. д.). Можно утверждать, что место моделирует и характер главной героини Анатолии, формирует ее характер с рождения: она спокойна, находится в гармонии с миром и собой, смиренна.

Заключение

Таким образом, хронотоп романа «С неба упали три яблока» имеет сложную структуру. Особое значение приобретают природный и мифологический пласты пространства. На уровне природного пространства выявлены черты сходства героев романа и людей «естественных»: близость с при-

родой, синкретическое восприятие окружающего мира. Мифологический пласт романа имеет все черты сакрального хронотопа: вневременность, вертикальная ориентация, вера людей, вероятность чуда. Герои романа представлены целостными, так как место их жизни не меняется, характер изначально формировался под действием верований и менталитета.

Библиографический список

1. Абгарян Н. С неба упали три яблока. Москва : АСТ, 2016. 320 с.
2. Балданов С. Ж. Общность литератур народов Сибири: (Бурятия, Тыва, Якутия). Улан-Удэ, 2001. 200 с.
3. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. Санкт-Петербург : Азбука, 2000. С. 9–226.
4. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Эпос и роман. Санкт-Петербург : Азбука, 2000. С. 9–193.
5. Далгат У. Б. Литература и фольклор: теоретические аспекты. Москва : Наука, 1981. 303 с.
6. Культурология. XX век : энциклопедия / гл. ред., сост. С. Я. Левит. Санкт-Петербург : Университетская книга, 1998. 20 см. Т. 2: М-Я. 1998. 446 с.
7. Лихачёв Д. С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 74–87.
8. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь: Книга для учителя. Москва : Просвещение, 1988. 352 с.
9. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. Москва : Наука, 1976. 407 с.
10. Миркина З. Великие религии мира / З. Миркина, Г. Померанц. Москва : РИПОЛ, 1995. 416 с.
11. Михайлова Е. В. Оформление сакрального пространства в прозаических жанрах фольклора // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 2(14). С. 93–96.
12. Набиуллина А. Н. Пространственно-временные образы и мотивы в романах Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» и «Дети мои» // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2019. №3 (34) // cyberleninka.ru. 2019. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prostranstvenno-vremennye-obrazy-i-motivy-v-romanah-g-yahinoi-zuleyha-otkryvaet-glaza-i-deti-moi> (дата обращения: 20.04.2022).
13. Неклюдов С. Ю. Структура и функция мифа // Современная российская мифология : сборник статей / Российский государственный гуманитарный университет, Институт высших гуманитарных исследований, Центр типологии и семиотики фольклора; составитель М. В. Ахметова. Москва : Российский

государственный гуманитарный университет, 2005. С. 9–26.

14. Ойноткинова Н. Р. Культурные универсалии: сакральное пространство в мифологии народов Сибири и Дальнего Востока / Н. Р. Ойноткинова, А. А. Гриневич, Т. А. Голованева // Сибирский филологический журнал. 2020. № 3. С. 9–22.

15. Павлова Н. И. Память, род, семья как базовые концепты современной прозы (на примере творчества Наринэ Абгарян) // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. 2017. № 3. С. 113–120.

16. Смирнова А. И. Бикультурное видение мира в романе Наринэ Абгарян «С неба упали три яблока» // От билингвизма к транслингвизму: про и контра : материалы III Международной научно-практической конференции под эгидой МАПРЯЛ, Москва, 01–02 декабря 2017 года / Российский университет дружбы народов; Составители: У. М. Бахтикиреева, О. А. Валикова, С. В. Дмитрюк. Москва : Российский университет дружбы народов (РУДН), 2017. С. 346–349.

17. Смирнова А. И. Новая женская проза: на перекрестке культур // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2018. № 6. С. 871–876.

18. Темирболат А. Б. Проблема хронотопа в современной прозе : учебное пособие. Алматы, 2003. 199 с.

19. Тимофеев В. Г. Свойства мифологического сознания / В. Г. Тимофеев, Н. В. Петров // cyberleninka.ru. 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svoystva-mifologicheskogo-soznaniya> (дата обращения: 11.03.2022).

20. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. Москва, 1983. С. 227–285.

21. Элиаде М. Священное и мирское. Москва : Издательство Московского университета, 1994. 144 с.

Reference list

1. Abgarjan N. S neba upali tri jabloka = Three apples fell from the sky. Moskva : AST, 2016. 320 s.

2. Baldanov S. Zh. Obshhnost' literatur narodov Sibiri: (Burjatija, Tyva, Jakutija) = The common literature of Siberian peoples: (Buryatia, Tuva, Yakutia). Ulan-Udje, 2001. 200 s.

3. Bahtin M. M. Avtor i geroj v jesteticheskoj dejatel'nosti = The author and the hero in aesthetic activity // Avtor i geroj: k filosofskim osnovam gumanitarnyh nauk. Sankt-Peterburg : Azbuka, 2000. S. 9–226.

4. Bahtin M. M. Formy vremeni i hronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoj pojetike = Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics // Bahtin M. M. Japos i roman. Sankt-Peterburg : Azbuka, 2000. S. 9–193.

5. Dalgat U. B. Literatura i fol'klor: teoreticheskie aspekty = Literature and folklore: theoretical aspects. Moskva : Nauka, 1981. 303 s.

6. Kul'turologija. XX vek = Culture studies. XX century: jenciklopedija / gl. red., sost. S. Ja. Levit. Sankt-Peterburg : Universitetskaja kniga, 1998. 20 sm. T. 2: M-Ja. 1998. 446 s.

7. Lihachjov D. S. Vnutrennij mir hudozhestvennogo proizvedenija = The inner world of a literary work // Voprosy literatury. 1968. № 8. S. 74–87.

8. Lotman Ju. M. V shkole pojeticheskogo slova: Pushkin. Lermontov. Gogol': Kniga dlja uchitelja = In the school of poetic word: Pushkin. Lermontov. Gogol': Teacher's Book. Moskva : Prosveshhenie, 1988. 352 s.

9. Meletinskij E. M. Pojetika mifa = Poetics of the myth. Moskva : Nauka, 1976. 407 s.

10. Mirkina Z. Velikie religii mira = Great religions of the world / Z. Mirkina, G. Pomeranc. Moskva : RIPOL, 1995. 416 s.

11. Mihajlova E. V. Oformlenie sakral'nogo prostranstva v prozaicheskikh zhanrah fol'klora = Formation of sacred space in prose folklore genres // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. 2009. № 2(14). S. 93–96.

12. Nabiullina A. N. Prostranstvenno-vremennye obrazy i motivy v romanah G. Jahinoy «Zulejha otkryvaet glaza» i «Deti moi» = Spatial and temporal images and motifs in the novels «Zuleikha opens her eyes» and «My children» by G. Yakhina // Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii i zhurnalistiki. 2019. № 3 (34) // cyberleninka.ru. 2019. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/prostranstvenno-vremennye-obrazy-i-motivy-v-romanah-g-yahinoy-zulejha-otkryvaet-glaza-i-deti-moi> (data obrashhenija: 20.04.2022).

13. Nekljudov S. Ju. Struktura i funkcija mifa = The structure and functions of the myth // Sovremennaja Rossijskaja mifologija : sbornik statej / Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, Institut vysshih gumanitarnyh issledovanij, Centr tipologii i semiotiki fol'klora; sostavitel' M. V. Ahmetova. Moskva : Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, 2005. S. 9–26.

14. Ojnotkinova N. R. Kul'turnye universalii: sakral'noe prostranstvo v mifologii narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka = Cultural universals: sacred space in the mythology of peoples in Siberia and the Far East / N. R. Ojnotkinova, A. A. Grinevich, T. A. Golovaneva // Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2020. № 3. S. 9–22.

15. Pavlova N. I. Pamjat', rod, sem'ja kak bazovye koncepty sovremennoj prozy (na primere tvorcestva Narinje Abgarjan) = Memory, clan, family as basic concepts of modern prose (based on Narine Abgaryan's work) // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. Serija: Nauki ob obshhestve i gumanitarnye nauki. 2017. № 3. S. 113–120.

16. Sмирнова А. И. Бикультурное видение мира в романе Наринэ Абгарян «С неба упали три яблока» = Bicultural vision of the world in Narine Abgaryan's novel «Three apples fell from the sky» // От билингвизма к транслингвизму: про и контра : материалы III Международной научно-практической конференции под эгидой МАПРЯЛ, Москва, 01–02 декабря 2017 года / Рос-

sijskij universitet druzhby narodov; Sostaviteli: U. M. Bahtikireeva, O. A. Valikova, S. V. Dmitrjuk. Moskva : Rossijskij universitet druzhby narodov (RUDN), 2017. S. 346–349.

17. Smirnova A. I. Novaja zhenskaja proza: na perekrestke kul'tur = New women's prose: at the crossroads of cultures // *Dinamika jazykovyh i kul'turnyh processov v sovremennoj Rossii*. 2018. № 6. S. 871–876.

18. Temirbolat A. B. Problema hronotopa v sovremennoj proze = The problem of chronotope in modern prose : uchebnoe posobie. Almaty, 2003. 199 s.

19. Timofeev V. G. Svoystva mifologicheskogo soznaniya = Characteristics of mythological consciousness / V. G. Timofeev, N. V. Petrov // cyberleninka.ru. 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svoystva-mifologicheskogo-soznaniya> (data obrashhenija: 11.03.2022).

20. Toporov V. N. Prostranstvo i tekst = Space and text // *Tekst: semantika i struktura*. Moskva, 1983. S. 227–285.

21. Jeliade M. Svjashhenoe i mirskoe = Sacred and secular. Moskva : Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1994. 144 s.

Статья поступила в редакцию 23.09.2022; одобрена после рецензирования 15.10.2022; принята к публикации 17.11.2022.

The article was submitted on 23.09.2022; approved after reviewing 15.10.2022; accepted for publication on 17.11.2022.